

Сергей ШУЛЬЦ

**ХРОНОТОП «СТИХОВ О НЕИЗВЕСТНОМ СОЛДАТЕ»
О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА****The chronotope of O. E. Mandelstam's
*Poems about the Unknown Soldier*****Abstract**

The chronotope of O.E. Mandelstam's *Poems about the Unknown Soldier* has at least three levels: (1) the level of internal time-space as immanent to the subject, the author-hero; this is the level of subjective refraction of events in individual consciousness/thinking; (2) the level of external time-space: the historical and natural beginning of world life (historical and physical cosmos) in their correlation; here worldly life is presented as if outside any of its perception from the outside, "by itself"; and (3) the mythical-symbolic dimension shining through the other two; the events here are interpreted in their parabolical content, including in the aspect of the philosophy of culture and intertextuality as a kind of "new mythology".

Keywords: *O.E. Mandelstam, chronotope, subjectivity, physical and historical cosmos, mythic symbolism, parabolical content, philosophy of culture, intertextuality*

Традиция устанавливать памятники Неизвестному солдату возникла в Европе, как известно, после окончания первой мировой войны. К этим военным и следующим за ними годам Мандельштам обращается в своих «Стихах о неизвестном солдате» (1937). Поэт подключается к дешифровке классической мифологемы о погибшем герое, оставшемся «непрославленным», однако вызывающем к поэтическому и всякому иному восславлению. Как и положено в мифологии/мифопоэтике, будущая слава героя для потомков важнее, чем его непосредственные подвиги. У Мандельштама она придает солдатскому подвигу высшую осмысленность, делая его символом искупления (искупительной жертвы) и воскресения.

Согласно верному замечанию Б.М. Гаспарова, «Одной из основных тем позднего Мандельштама является осознание поэтом неизбежности собственной гибели – неизбежности, вызываемой не столько внешними обстоятельствами, сколько внутренней сущностью поэтической миссии, понимаемой как искупительная жертва» [ГАСПАРОВ Б. М. 1993: 213]. Тем самым образ неизвестного солдата – автобиографичен.

Изображение поэтом «относящегося к смерти отчужденного бытия» [ХАЙНАДИ 2009] погибшего/погибающего героя призвано преодолеть неизбежность смерти через ее художественно-философскую, символично-мифологического трактовку. Читателю необходимо осознать, что «неизвестный солдат» – не столько погибший, сколько погибающий, т.к. его онтологический

статус – статус персонажа фикционального и мифопоэтического текста, хронотоп которого, по определению, навеки приостановлен¹.

Хронотоп «Стихов...» имеет по меньшей мере три уровня: 1) уровень внутреннего времени-пространства как имманентного субъекту, автору-герою; это уровень субъективного преломления событий в индивидуальном сознании/мышлении; 2) уровень исторического и природного начал мировой жизни (физический и исторический космос) в их корреляции; этот уровень указывает на буквально-событийную основу лишь косвенно; здесь мировая жизнь представлена словно вне какого-либо ее восприятия извне, «сама по себе» 3) мифо-символическое измерение², просвечивающее через два остальных; события тут осмыслены в их иносказательной наполненности, в том числе в аспекте философии культуры и интертекстуальности как своего рода «новой мифологии»³.

В целом художественное время «Стихов...» нелинейно, зигзагообразно, калейдоскопически перекомбинирует фрагменты прошлого, настоящего и будущего; художественное пространство же предстает нарочито несплошным, разорванным, по-мифопоэтически сгруппированным только лишь вокруг персонажей и вещей и не существующим помимо них.⁴ Весь хронотоп в целом, каждый из трех его уровней оказываются у Мандельштама фрагментарными: они состоят из «серий» (Ж. Делёз), «точечностей», «кусков» (Р. Рорти), ассоциаций (ср.: [Шульц 2017б]), что напоминает о романтическом принципе «вершинной композиции», описанном В.М. Жирмунским [ЖИРМУНСКИЙ 1978]. У Мандельштама данный принцип доведен до крайности в том числе за счет нарочитых «темнот», рассчитанных на сотворчество читателя в формировании художественного смысла произведения.

Сначала о «внутреннем» (субъективном) измерении хронотопа. После начальных образов внешней хронотопичности («Этот воздух пусть будет свидетелем...»⁵) сразу заданы мотивы хронотопичности имманентной, существующей изнутри субъекта. Первый символ имманентной хронотопичности для Мандельштама – сердце («дальнобойное сердце его»), что корреспондирует концепту внутреннего времени, трактованному Августином, Паскалем, Кантом, Кьеркегором, Хайдеггером, Н.А. Бердяевым, экзистенциализмом и др. Это время конституирует внутреннее ядро личности, благодаря которому она только и держится и которое никто не способен порушить.

Носитель этой имманентной хронотопичности у Мандельштама – автор-герой, он же «неизвестный солдат». Две эти роли и их мифо-символические

¹ Еще Г. Зедльмайр писал о времени художественного произведения вообще – как о покоящемся в себе, довлеющем себе [ЗЕДЛЬМАЙР 2000], т.е., уточним, именно «приостановленном».

² Именно два последних измерения хронотопа не позволяют согласиться с концепцией М. Л. Гаспарова, утверждающего якобы «лояльность» Мандельштама советской власти: [ГАСПАРОВ М.Л. 1996].

³ В данном случае сама по себе интертекстуальность – только разновидность мифо-символического начала.

⁴ О подобной трактовке пространства в принципе см.: [ШУЛЬЦ 2011].

⁵ Мандельштамовский текст здесь и везде далее цитируется по изданию: [МАНДЕЛЬШТАМ 1991].

проекции, конечно, не всегда совпадают в тексте, иногда они даже разводятся. Динамика их сосуществования – отдельная тема.

Поэт подразумевает максимально полное воспроизведение действительности такой, какой она дана в сознании, в субъективном восприятии. События обеих недавних войн (первой мировой и гражданской), недавних русских революций – в том числе в их проекции на французскую революцию 1789 года, затем события репрессий как продолжения обеих войн, события гипотетического будущего и т.п. увиденны автором-героем через личностное преломление, в его личностной эпистемологии и понимающей онтологии. Без знания реалий эпохи – в том числе автобиографических реалий Мандельштама – понять «Стихи...» невозможно. Вместе с тем эти конкретные реалии имеют значение лишь в их сращенности с мифо-символическим началом.

Имманентное измерение хронотопа реализуется у Мандельштама также через восходящий к Канту мотив априорности пространства и времени, не являющихся, согласно философу, свойствами внешнего мира, а заданными изнутри субъекта. С точки зрения Канта, пространство и время как «чистые созерцания» конституируют созерцаемое в качестве того, что «непредметно и нетематично», но «не есть просто ничто» (см.: [ХАЙДЕГГЕР 1997: 26]). Кант имеет в виду субъективный их статус. Упор на субъективность помогает автору-герою преодолеть «объективные» обстоятельства. Но в конце концов Мандельштам, трансформируя Канта, приходит к признанию истинной онтологичности мировой жизни, ее хронотопа, субъекта как части этого хронотопа⁶. Понимание субъектом себя и мира у Мандельштама – факт онтологии⁷.

Согласно Канту, вопрос о бытии в его истории тесно связан с вопросом о конечности (смертности) человека (см.: [ХАЙДЕГГЕР 1997: 128]). Мысль о смерти и гипотетическом воскресении – основная в «Стихах...» У Мандельштама смерть конституирует человека лишь в связке с конституированием того через духовное бессмертие в истории/природе. Здесь-то и проступает один из ключевых моментов хронотопа «Стихов...» – его приостановленность, благодаря которой «неизвестный солдат» – не столько погибший, сколько погибающий. И воскреснуть он должен тоже как погибающий. Налицо реставрация античных (и не только) мотивов умирающего и воскресающего бога, прежде всего Диониса, на образ которого в тексте намекает фраза о «шевелиющихся виноградинах».

Мандельштам продолжает привычное с эпохи Возрождения соотнесение макрокосма и микрокосма. Микрокосм оказывается столь же богат, полон, как и макрокосм. Неизвестный солдат как микрокосм – это каждый из людей, это и сам автор-герой. Но он же и макрокосм, подобно первочеловеку древнеиндийской мифологии Пуруше, из частей тела которого был составлен внешний

---

⁶ Хайдеггер в своей концепции времени также исходил из собственной перетрактовки Канта.

⁷ Отметим здесь явное совпадение построений Мандельштама с идеей Хайдеггера и Гадамера о понимании как способе быть, с идеей понимания как онтологичности. Ценное сближение Мандельштама и Хайдеггера проведено в работе: [АВЕРИНЦЕВ 1990].

мир. Мандельштамовский «неизвестный солдат» занимает собой словно бы весь космос, причем не только «телесно», но и «духовно», более того, «неизвестный солдат» сам является этим космосом. Подобно принятому в древнеиндийской мысли, Мандельштам отождествляет психическое и космическое, что в тексте становится отождествлением исторического и физического космоса.

В феноменологии Э. Гуссерля⁸ сознание было понято как значимое и вне связи с внешним миром, даже превышающее последний по онтологической силе. Это важно для Мандельштама потому, что соотносено с теми тенденциями Канта, которые поэт учел и трансформировал. В итоге Мандельштам преодолевает обоих философов как близких солипсизму и утверждает онтологическое равновесие, коррелирование, взаимоналожение сознания (т.е. человека) и мира.

Теперь об историческо-природном измерении хронотопа «Стихов...» Мандельштамом отчетливо задано конкретное историческое время, однако его воплощение в тексте оказывается наполнено сплошь иносказательными мифологемами, символами, непрямыми развертываниями ассоциаций, интертекстов, прихотливых смысловых схождений и т.п. Историческое время, показанное в «Стихах...», осознано прежде всего экзистенциально-субъективно, но также и вне субъективной призмы, – как нечто совсем отдельное от автора-героя и в этой отдельности существующее, бытийствующее «само по себе». Тем самым по принципу дополнительности Мандельштамом учитываются два пути восприятия мира: через субъекта, субъективность (принцип Нового времени) и путь восприятия «непосредственного», «прямого», существующего словно вне субъекта⁹.

Хронотоп «Стихов...» объединяет категории физического и исторического космоса (условно говоря, категории природы и культуры) в качестве сцепленных, взаимопереходящих. Хайдеггер справедливо определял понятие «природы» («фюзис») у Аристотеля в качестве близкого категории бытия [ХАЙДЕГГЕР 2004: 145]. В соответствии с так понятым Аристотелем мандельштамовская «природа» онтологична, она бытийствует. Этот статус приобретается ею в процессе коррелирования ее с культурой, осознанной Мандельштамом не просто в виде истории, но как сама история. При этом в соответствии с античной традицией физический и исторический космос для Мандельштама является живым и вместе с тем он предстает в виде художественного произведения – эстетизированным.

Могила «неизвестного солдата» – в живом космосе, что делает оксюморон и сам космос, и могилу в нем. В «Стихах...» утверждается хронотоп «окультуренной природы», однако в настоящем времени торжества тоталитаризма сама природа, сама история/культура рушатся. В итоге «окультуренная природа» «Стихов...» реализуется в «хаосмосе»¹⁰, диффузно объединяющем хаос и космос, небытие и бытие. Человек («неизвестный солдат») осознан

⁸ Как известно, оказавшей воздействие на модернизм.

⁹ Насчет второго подхода термин «объективный» явно не подойдет. Дихотомия данных подходов впервые была осмыслена М. Хайдеггером.

¹⁰ Термин «хаосмос» встречается у Дж. Джойса, А.Ф. Лосева.

Мандельштамом как символ также хаосмоса, вместе с ним «распятый» и вместе с ним долженствующий воскреснуть (в виде чистого космоса; во всяком случае, в виде его метонимии точно).

Налицо исключительное внимание Мандельштама к будущему и прошлому, последнее имеет ценность в качестве необходимой основы всего того, что подлежит обновлению «светом»:

Весть летит светопыльной обновою –
Я не Лейпциг, не Ватерлоо,
Я не Битва Народов. Я – новое,–
От меня будет свету светло.

Настоящее расценивается поэтом в качестве антропологической катастрофы. Мандельштам стремится показать действительную связь между катаклизмами первой мировой и последующими событиями вплоть до середины 1930-х гг.: в этот промежуток включен распад восточноевропейского культурно-исторического звена – Российской империи; для автора-героя это личная и невозполнимая утрата, начало общемирового апокалипсиса.

Третье измерение хронотопа «Стихов...» выводит на уровень религиозных (христианских, античных, древнеиндийских...), культурфилософских, литературных и иных аллюзий, на уровень мандельштамовского «мифа о поэте», расширяющегося от автобиографического аспекта до гораздо более широкого. На уровне третьего измерения раскрывается иносказательная мифо-символика многочисленных ассоциативно-смысловых образных схождений, понятых поэтом в качестве модернистского «созидания традиции» [КЭВАНА 1993].

Космизм Мандельштама корреспондирует тютчевскому, у которого человеческая душа бытийствует в своего рода «нераздельности и неслиянности» космоса и хаоса. От Тютчева – и Ломоносова¹¹ – идет линия к социальному космизму «Философии общего дела» Н.Ф. Федорова (воскрешение умерших в целях социально-религиозных; подробнее см.: [ЖИВОВ 1992]), «Двенадцати» Блока, к работе М. Шелера «Положение человека в космосе» (1928) и др. Мандельштам полемизирует с блоковской идеей позитивности социальной революции, мнимой связи последней с евангельскими концепциями социального блага.

Среди претекстов символично-мифологического измерения хронотопа «Стихов...» – литература т.н. «потерянного поколения», осмысляющая роль тяжелого опыта первой мировой войны для бывших солдат, ищущих своего места в послевоенной жизни (ранний У.Фолкнер, Э. Хемингуэй и др.) Другим важным фоном «Стихов...» является созданная после второй мировой войны пьеса Ж.П. Сартра *Альтонские затворники*, где бывший немецкий офицер (поданный в качестве трагического героя) считает события второй мировой не закончившимися и продолжает жить их страшным напряженным наполнением. У Мандельштама

---

¹¹ По поводу взаимосвязей Тютчева и Мандельштама см.: [ОСПОВАТ, РОНЕН 1999]; по поводу Ломоносова и Мандельштама см.: [ЛЕВИН 1979; РОНЕН 2002].

– из другого лагеря – налицо столь же страшное напряжение по поводу, казалось бы, прошедших (две войны, революции), но имплицитно длящихся событий.

В христианской традиции существует разграничение Церкви воинствующей (сражающейся со злом на земле) и Церкви небесной (торжествующей на небесах). Эти мотивы заданы в мандельштамовских «Стихах...», будучи осмысленными в том числе через призму ветхозаветного архетипа «Господа воинств», покровительствующего «земным воинствам Израиля и небесным полчищам, которые сражаются с Ним против Его врагов и врагов Его народа» [ТРУБЕЦКОЙ 1994: 268]. Как пишет С.Н. Трубецкой, в позднейший период понятие «Господа воинств» «очищается, одухотворяется, не теряя, однако, своего исконного смысла», теперь появляется новое понятие «Господа сил» [ТРУБЕЦКОЙ 1994: 269]. В процитированной книге С.Н. Трубецкого (1906) очень много и иных смысловых переключений с Мандельштамом, что требует отдельного рассмотрения.

В мифо-символическом измерении *Стихов...* «речь идет о гибели миллионов во время битвы, когда небеса угрожают земному войску» [ИВАНОВ 1990].¹² Мандельштам учитывает в развитии своего сюжета мотивы возможного притворства дьявольских сил (низвергнутых Богом с небес) силами добра (о таком притворстве, например, предупреждал в «Дон Кихоте» упоминаемый в мандельштамовском тексте Сервантес), а также мотивы возможных вполне искренних попыток дьявольских сил вернуться на путь добра; отсюда аллюзии в тексте на лермонтовского «Демона».

Но теологии известно, что искренность таких попыток еще не гарантирует достижения нужного результата; это также, безусловно, учитывается поэтом. Добро и зло, свет и тьма в «Стихах...» могут доходить до грани перепутывания; нередко раскол и борьба происходят также и внутри той или иной «монады» добра. Поэтому осмысление автором-героем мотивов возможного притворного и непритворного оборачивания дьявольского и ангельского, добра и зла создает в сюжетике «Стихов...» установку на следование «ясности ясеневой и зоркости яворовой», т.е. духовной бдительности. Этой установке поэт следует сполна.

У Дж. Мильтона в поэме *Потерянный рай* появляется коррелирующий с дихотомией Церкви небесной и Церкви земной мотив битвы небесного воинства и воинства земного (подпавшая под инфернальность земная жизнь); в мильтоновском же «Возвращенном рае» моделируется преодоление грехопадения человека и земли, что находит отклик в мандельштамовских «Стихах...» (ср.: [ШУЛЬЦ 2020]).

Отзвуки метасюжета о битве двух воинств заметны также у И. Босха, Шекспира, Сервантеса, Байрона, Баратынского, Лермонтова, Я. Гашека и др. Все перечисленные выше фигуры (и ряд других) входят в интертекст мандельштамовского космизма (подробнее см.: [СЕМЕНКО 1990]).

¹² «Замечание Вяч.Вс. Иванова необходимо воспринимать с уточнением насчет столкновения именно сил тьмы и света, зла и добра, причем надо раскрыть весь церковный контекст фразы, иначе мандельштамовские смысловые акценты смещаются».

В финале «Стихов...» вводится мотив «переклички» персонажей-«солдат», «сверки» уцелевших и погибших в бою. Однако это не перекличка обреченных, это перекличка долженствующих победить. В данном эпизоде факт рождения из природно-биологического превращается в факт истории, жизни духа:

Наливаются кровью аорты
И звучит по рядам шепотком:
- Я рожден в девяносто четвертом,
Я рожден в девяносто втором...
И, в кулак зажимая истертый
Год рожденья с гурьбой и гуртом,
Я шепчу обескровленным ртом:
- Я рожден в ночь с второго на третье
Января в девяносто одном
Ненадежном году, и столетья
Окружают меня огнем.

«Ночь с второго на третье» - это, как известно, ночь первого снега в пушкинском «Евгении Онегине» накануне дуэли Онегина и Ленского. Аллюзия на эту сцену вводит в *Стихи...* щемяще-гибельную ноту. Однако финальное упоминание «столетий», «окружающих огнем» автора-героя – это указание на эпохи-зоны огня очистительного, исцеляющего.

Мандельштамовскую сцену переклички допустимо сопоставить также с эпизодом гоголевских «Мертвых душ» когда Чичиков производит виртуальную перекличку купленных им умерших (и беглых) крепостных, рассуждая об их участии, об их достоинствах и недостатках. Чичиков, мнящий себя распорядителем жизни и смерти, здесь пытается неловко и кощунственно мимикрировать к фигуре Судии на Страшном суде, в результате чего мотив подражания Христу оказывается подан Гоголем через негатив и апофатику. Мандельштамовская же «перекличка» рождений не только через гоголевский эпизод апофатики, но и напрямую обращена к факту Рождества Христова как начала истории и к факту Страшного суда как ее завершения, но и ее обновления. Но в этом фрагменте «Стихов...» отзывается все наполнение символики *Мертвых душ* в целом – и танатографическое, и витальное (поданное с мыслью о воскресении) (см.: [Шульц 2017а]).

В ситуации обвала истории, выдаваемого тоталитаризмом за нечто обратное (ср., например, зловещую фразу Сталина 1930-х гг.: «Жить стало лучше, жить стало веселее»), мандельштамовский автор-герой констатирует осознание своей личной ответственности за наличие «власти тьмы», своей вины за воцарившуюся ночь: вина уже в том, что победа над тьмой пока не достигнута. Именно принятие на себя «вины и ответственности» (выражение М.М. Бахтина) позволяет мандельштамовскому автору-герою наметить выход

из сферы хаосмоса в сферу подлинной истории, сферу обновленной окультуренной природы и обозначить контуры новой космогонии как нового пришествия.¹³

Библиография

- АВЕРИНЦЕВ, С. С. [AVERINCEV, S. S.] 1990: Ранний Мандельштам // Знамя. 1990, № 4. [Early Mandel'stam // Znamâ. 1990, № 4.] 207–212.
- ГАСПАРОВ, Б. М. [GASPAROV, B.M.] 1993: Смерть в воздухе (к интерпретации *Стихов о неизвестном солдате*) [Death in the Air (towards the interpretation of *Poems about the Unknown Soldier*)] // Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. Москва: Наука, [Literary leitmotifs. Essays on Russian literature of the 20th century. Moscow: Nauka] 213–240.
- ГАСПАРОВ, М. Л. [GASPAROV, M. L.] 1996: О. Мандельштам: гражданская лирика 1937 года. Москва: РГГУ [O. Mandelstam: civil lyrics of 1937. Moscow: Russian State University for the Humanities].
- ЖИВОВ, В. М. [ŽIVOV, V. M.] 1992: Космологические утопии в восприятии большевистской революции и антикосмологические мотивы в русской поэзии 1920-1930-х годов (Стихи о неизвестном солдате О. Мандельштама) // Сборник статей к 70-летию проф. Ю. М. Лотмана. Тарту [Cosmological utopias in the perception of the Bolshevik revolution and anti-cosmological motifs in Russian poetry of the 1920-1930s (Poems about the unknown soldier O. Mandelstam)] // Collection of articles for the 70th anniversary of prof. Ū.M. Lotman. Tartu] 411–434.
- ЖИРМУНСКИЙ, В. М. [ŽIRMUNSKIJ, V.M.] 1978: Байрон и Пушкин. Пушкин и Западные литературы. Ленинград: Наука. [Byron and Pushkin. Pushkin and Western literatures. Leningrad: Nauka].
- ЗЕДЛЬМАЙР, Г. [SEDLMAJR, H.] 2000: Искусство и истина. Санкт-Петербург: Аxiома [Art and truth. St. Petersburg: Axioma].
- КЭВАНА, К. [CAVANAN, K.] 1993: Модернистское созидание традиции: О. Мандельштам, Т.С. Элиот, Э. Паунд // Русская литература XX в. в исследованиях американских ученых. Санкт-Петербург. [Russian literature of the 20th century. in the research of American scientists. St. Petersburg] 400–421.
- ЛЕВИН, Ю. [LEVIN, Ū.] 1979: Заметки о поэзии О. Мандельштама тридцатых годов (*Стихи о неизвестном солдате*) // Slavica Hierosolymitana. Vol. IV. [Notes on the poetry of O. Mandelstam of the thirties (Poems about the unknown soldier) // Slavica Hierosolymitana. 1979. Vol. IV.] 185–213.
- МАНДЕЛЬШТАМ, О. Э. [MANDEL'STAM, O. E.] 1991: Стихи о неизвестном солдате // Мандельштам О.Э. Собр. соч.: в 4 т. Москва: Terra Т.1. [Poems about the unknown soldier // Mandelstam O.E. Collection cit.: in 4 volumes. Moscow: Terra, 1991. T.1.] 244–249.
- ОСПОВАТ, А., РОНЕН, О. [OSPOVAT, A., RONEN, O.] 1999: Камень веры (Тютчев, Гоголь и Мандельштам) // Тютчевский сборник II. Тарту [Stone of Faith (Tûtčev, Gogol' and Mandel'stam) // Tûtčev collection II. Tartu] 48–55.

¹³ В данной статье методы философского анализа, философской критики соседствуют с методами собственно литературоведческими, что, на наш взгляд, взаимодополняет друг друга уже хотя бы потому, что литература и философия, согласно Шеллингу и Хайдеггеру, тождественны.

- РОНЕН, О [RONEN O.] 2002: К сюжету Стихов о Неизвестном солдате // Ронен О. Поэтика О. Мандельштама. Санкт-Петербург: Гиперион [To the plot of Poems about the Unknown Soldier // Ronen O. Poetics of O. Mandel'stam. St. Petersburg: Hyperion] 96–118.
- СЕМЕНКО, И.М. [SEMENKO, I.M.] 1990: Творческая история *Стихов о неизвестном солдате* // Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама. Воспоминания. Материалы к биографии. *Новые стихи*. Комментарии. Исследования. Воронеж: Издательство Воронежского университета [Creative history of Poems about the unknown soldier // Life and creativity of O.E. Mandelstam. Memories. Materials for the biography. New poems. Comments. Research. Voronež: Voronež University Publishing House] 479–505.
- ТРУБЕЦКОЙ, С. Н. [TRUBECKOJ, S. N.] 1994: Учение о Логосе в его истории // Трубецкой С.Н. Сочинения. Москва: Мысль, [The doctrine of Logos in its history // Trubeckoj S.N. Essays. Moscow: Mysl'].
- ХАЙДЕГГЕР, М. [HEIDEGGER, M] 1997: Кант и проблема метафизики. Москва: Русское феноменологическое общество, [Kant and the problem of metaphysics. Moscow: Russian Phenomenological Society].
- ХАЙДЕГГЕР, М. [HEIDEGGER, M] 2004: О существе и понятии «фюзис» // Васильева Т.В. Семь встреч с М. Хайдеггером. Москва: Издатель Савин С.А. [On the essence and concept of “fusus” // Vasil'eva T.V. Seven meetings with M. Heidegger. Moscow: Publisher Savin S.A.] 119–134.
- ХАЙНАДИ, З. [HAJNÁDY, Z.] 2009: Искусство и метафизика смерти. Лев Толстой и Мартин Хайдеггер: философско-поэтический опыт сравнительного изучения // Вопросы литературы. 2009, №5. [Art and metaphysics of death. Leo Tolstoy and Martin Heidegger: philosophical and poetic experience of comparative study // Questions of literature. 2009, No. 5] 304–332.
- ШУЛЬЦ, С. А. [SHUL'TS, S. A.] 2011: П.А. Флоренский и М. Хайдеггер: поэтика пространственности // Восток-Запад: пространство природы и пространство культуры в русской литературе и фольклоре. Волгоград [Florenskij and M. Heidegger: the poetics of spatiality // East-West: the space of nature and the space of culture in Russian literature and folklore. Volgograd] 97–103.
- ШУЛЬЦ, С. А. [SHUL'TS, S. A.] 2017а: Поэма Гоголя Мертвые души: внутренний мир и литературно-философские контексты. Санкт-Петербург: Алетейя [Gogol's poem “Dead Souls”: the inner world and literary and philosophical contexts. St. Petersburg: Aletejâ].
- ШУЛЬЦ, С.А. [SHUL'TS, S.A.] 2017б: Экзистенциально-логические формы в инструментальной музыке В.А. Моцарта и лирике О.Э. Мандельштама // Вопросы филологии, 2017, №1. [Existential-logical forms in instrumental music V.A. Mozart and the lyrics of O.E. Mandel'stam // Questions of Philology, 2017, No. 1] 81–88.
- ШУЛЬЦ, С.А. [SHUL'TS, S.A.] 2020: А. Н. Радищев, Н. В. Гоголь, О. Э. Мандельштам: к метафизике человека и истории // Гоголь и русская духовная культура. Девятнадцатые Гоголевские чтения: Москва; Новосибирск: Новосиб. изд. дом [A. N. Radišev, N. V. Gogol', O. È. Mandel'stam: towards the metaphysics of man and history // Gogol' and Russian spiritual culture. Nineteenth Gogol' Readings: Moscow; Novosibirsk: Novosibirsk publishing house] 97–103.

Сергей ШУЛЬЦ
независимый исследователь
Ростов-на-Дону, Россия
s_shulz@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3429-6714

